

ЛИТЕРАТУРНАЯ ФАНТАЗИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ДОМОВ

В основу детективной фабулы романа «Азазель» писатель Б. Акунин положил проблемы, связанные с деятельностью сиротских учреждений или, по русской исторической терминологии XVIII — начала XX в., воспитательных домов. История, повданная литератором, конечно, является фантастической, тогда как трудности, возникающие перед сиротскими учреждениями и их организаторами, были и остаются вполне реальными.

Рожденная его воображением международная система эстернатов впитала в себя многие черты российских воспитательных домов более раннего периода (действие детектива разворачивается в 1876 г.). Подготовленный И. И. Бецким «Генеральный план Воспитательного дома» был утвержден Екатериной II 1 сентября 1763 г., а прием детей начался в Москве 21 апреля 1764 г. В 1770 г. открылось Петербургское отделение, с 1780 г. — Санкт-Петербургский воспитательный дом, который вместе с Московским считался одной из двух ветвей единого Воспитательного дома. И. И. Бецкой был поклонником французской просветительской философии, педагогических идей Я. А. Коменского, Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо. Он развивал концепции воспитания и образования, разработанные в эпоху Просвещения. Дом в России учреждался И. И. Бецким, как писал он сам, по примеру тех заведений, которые он видел в Голландии, Франции и Италии. В екатерининское царствование и организатор, и многие европейские деятели воспринимали воспитательные дома как часть европейской сети сиротских учреждений. Впрочем, при создании воспитательных домов в России их главный попечитель

И. И. Бецкой предпринял уникальную попытку соединения традиций призрения сирот, выработанных в Европе, с практическим применением в них педагогических идей Просвещения.

Во главу угла в придуманных Б. Акуниным эстернатах, как и в педагогике Просвещения, было положено воспитание. 22 марта 1764 г., когда Московский воспитательный дом готовился открыть прием детей, императрица утвердила доклад И. И. Бецкого «О воспитании юношества обоего пола». По мнению его автора, петровские реформы в сфере образования не имели успеха, и «Россия до сего времени и произвести не смогла» людей такого состояния, которое «в других местах *третьим чином или средним* называется». В государстве ко второй половине

XVIII в. были утверждены только два «чина»: дворяне и крепостные.

И. И. Бецкой утверждал, что «один только украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина; но паще во вред бывает, если кто от самых нежных юности своей лет воспитан не в добродетелях». При таких условиях государство не может ожидать успехов в науках и искусствах и появления «третьего чина людей». «Корень всему добру и злу воспитание», — вслед за императрицей заявлял автор доклада. Во исполнение этого «неоспоримого правила» предполагалось «произвести сперва способом *воспитания*, так сказать, *новую породу*, или *новых отцов и матерей*, которые б детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили сами», и так происходило бы из рода в род. По привилегии, данной императрицей, питомцы воспитательных домов и их потомки сохраняли «вольность», следовательно, составляли «третий чин в государстве». Получив профессиональную подготовку, они легко могли найти себе пропитание в сообществе уже имевшихся купцов, художников, торговцев и фабрикантов¹. Итак, целью воспитания И. И. Бецкой считал создание «новой породы людей» «третьего чина, или сословия», которые помогут России догнать европейские страны по уровню социально-экономического развития.

Основательница эстернатов леди Эстер ставила перед собой гораздо более широкие задачи. «Каждый из моих детей, — говорила она Эрсту Фандорину, — драгоценность, венец мироздания, рыцарь нового человечества. Каждый принесет неоценимую пользу, изменит своей жизнью мир к лучшему. Они напишут мудрые законы, откроют тайны природы, создадут шедевры искусства. И год от года их становится все больше, со временем они преобразуют этот мерзкий, несправедливый, преступный мир!»²

Как и И. И. Бецкой, развивавший идеи К. А. Гельвеция и Ж.-Ж. Руссо, леди Эстер считала, что воспитание «нового порождения» людей следует производить в изолированных от окружающей среды «детских питомниках». Московский эстернат надежно охранялся и, по описанию Б. Акунина, размещался в здании, похожем на то, что было построено в екатерининское царствование для Московского воспитательного дома. Оно и поныне стоит на берегу Москва-реки (капитальное сооруже-

ние, «на первый взгляд несколько похожее на казарму, но окруженное садом»).

И. И. Бецкой в 1780-х гг. очень беспокоился, что комплекс зданий Московского дома имеет множество входов, через которые в учреждение могут проникнуть люди, способные плохо повлиять на питомцев³. В закрытых учебно-воспитательных заведениях, созданных по планам И. И. Бецкого, детей не отпускали на каникулы с родственниками, встречи с которыми могли происходить только в самом училище в присутствии администрации. Закрытость учебных заведений оказалась одной из наиболее живучих их традиций. В 1854 г. произошел скандал из-за появления на богослужении в церкви женского Сиротского института, созданного на базе Петербургского воспитательного дома в квартале на Мойке, посторонних мужчин, что нарушало волю куратора Мариинского ведомства — императрицы Александры Федоровны⁴.

В воспитательные дома принимали новорожденных или, по крайней мере, детишек до того возраста, когда они могли связно рассказать о себе (до 3–5 лет). Во-первых, основатели дома стремились спасти «несчастнорожденных» (рожденных вне брака. — Т. Ф.) и брошенных детей от гибели, которая могла угрожать им «от немилосердных своих роди-тельниц и их бесчеловечных помощников», во-вторых, только так в сословном российском обществе могло работать такое бессловное учреждение, как воспитательный дом, наконец, в-третьих, считалось, что дети более старшего возраста уже подверглись отрицательному воздействию окружающих, и воспитать их правильно не удастся.

В эстернаты поступали дети постарше (от 4 до 12 лет), но по тому же принципу: «Если ребенок старше, с ним трудно что-либо сделать — личность сформировалась». И реальным, и вымышленным педагогам душа ребенка представлялась сырым материалом в руках воспитателя.

И. И. Бецкой и Мария Федоровна уделяли большое внимание воспитанию не только мальчиков, но и девочек. Главный попечитель в возвышенных и трогательных выражениях напоминал мужчинам — своим подчиненным и всем читателям плана, что «за первое предводительство, оказанное нам, как на свет вышли, за первую помощь и сбережение, за первое пропитание, за первые наставления и за первую дружбу, которою в жизни своей пользуемся», все обязаны «одному женскому полу. Но мы, человеки, столь тщеславились превосходством в крепости сил своих, столь горды, и при том столь упрямы и неправосудны, что и в приобретении наставлений, к просвещению разума потребных, препятствуем такому полу, которому мы <...> за все одолжены»⁵.

Правда, реальные попечители российских воспитательных домов стремились вырастить из питомиц лучших матерей и супруг, учительниц и нянек, а персонаж романа «Азазель» леди Эстер готовила своих «дочерей» к участию во всемирном заговоре. В ответ на вопрос Фандорина: «А девочки?», заданный в ходе первой встречи, она ответила, что с девочками не работает: «В обществе, где заправляют мужчины, незаурядная, талантливая женщина вызывает подозрение и враждебность. Я бы не хотела, чтобы мои воспитанницы чувствовали себя несчастными». Позднее баронесса призналась: «Я вам солгала. Я беру девочек. Совсем немного, но беру. В Швейцарии у меня есть эстернат, где воспитываются мои дорогие дочери. Это совершенно особый материал, возможно, еще более драгоценный, чем мои сыновья»⁶.

Система воспитания и образования в эстернатах представляет собой вольные фантазии на темы воспитательных домов времен И. И. Бецкого и Марии Федоровны. Российских домов именно XVIII — первой трети XIX в., так как позднее их положение изменилось, потому что в большинстве стран Европы в XIX в. сирот неизвестных родителей сначала отдавали на воспитание в семьи крестьян и горожан, а в подростковом возрасте обычно определяли в прислугу⁷.

Как в домах XVIII в., в эстернатах уделялось большое внимание физическому воспитанию питомцев. При И. И. Бецком такого учебного предмета, как физкультура, в учебных планах еще не было, зато обязательным для всех детей было «танцевание».

В московском эстернате воспитанники занимались в настоящем спортивном зале. И. И. Бецкой требовал поощрять «вольность», «веселость» и жизнерадостность ребятишек, не ограничивать их «невинные забавы». Это противоречило правилам традиционного воспитания и воспринималось как диковинка даже во второй половине XIX в., что справедливо подмечает и автор романа «Азазель». При посещении эстерната его герой юный Фандорин с удивлением замечает стайку мальчишек, с шумом носившихся по газону: «Служитель и не подумал призвать шалунов к порядку. Поймав удивленный взгляд Фандорина, он пояснил: — Не возбраняется. На переменке хоть колесом ходи, только имущества не порти. Такой порядок»⁸.

Обучение не занимало центрального места в системе И. И. Бецкого, однако детей, по его мнению, следовало учить «по склонностям и охоте». Питомцам всех его училищ предлагалась широкая программа. В учебный план Коммерческого училища включались химия, механика, «обсервация, искусство и натуральная история». П. А. Демидов,

выделивший значительные средства на его создание, считал, что эти дисциплины не приносят пользу купцу, а только увеличивают сроки образования. И. И. Бецкой отстаивал необходимость широких знаний, дававших ученикам возможность иного применения способностей⁹.

В 1778 г. в Московском воспитательном доме сироты и «коммерческие» воспитанники изучали немецкий, французский, а некоторые из них — латинский и итальянский языки. Таланты из «несчастнорожденных детей» осваивали рисунок, акварель и живопись (часть из них поступала в Академию художеств), игру на музыкальных инструментах, пение, танцы как будущую профессию, азы актерского мастерства. Остальных ребят обучали

11 видам ремесел, в том числе художественных. В первой половине 1780-х гг. в Петербурге маленькие сироты получили возможность овладевать игрой на дорогой и модной арфе, а некоторые из их сверстников, как и москвичи, корпели над латынью, чтобы позднее изучать медицину¹⁰.

Венценосная продолжательница дела И. И. Бецкого императрица Мария Федоровна, возглавлявшая Воспитательные дома с 1797 по 1828 г.^{*}, была, с одной стороны, по-немецки разумной. Она приказала ввести штаты: оставлять в столицах по 500 ребятишек, а остальных отправлять на воспитание в деревню. С другой стороны, при воспитании штатных воспитанников она стремилась воплотить многие педагогические идеалы Просвещения. Штаты пополнялись за счет способных деревенских питомцев.

Все штатные питомцы получали начальное образование. Затем по способностям часть детей определялась в учебные классы. Для мальчиков действовали латинские классы, выпускники которых поступали в Медико-хирургическую академию и в университеты (Петербургский, Московский, Дерптский). Среди питомцев начала XIX в. немало высококлассных врачей и даже крупных ученых. Выпускники, не поступившие в вузы, по желанию направлялись в училище садоводства или могли посвятить себя аптекарскому званию. При Доме был также создан писарский класс, выпускники которого получали возможность делать карьеру на граж-

данской службе. Обладатели художественных способностей поступали в Академию художеств, их передавали для обучения учителям музыки. Для девочек были организованы французские классы для подготовки домашних учительниц и гувернанток, часть выпускниц становилась учительницами музыки. Их распределяли по губерниям в дворянские семьи. Они воспитывали детей многих известных русских государственных деятелей. Кроме того, воспитанницы могли поступить в Повивальный институт и стать акушерками.

Остальные дети обучались в ремесленном классе. Мастера передавали им свои навыки. В 1798 г. под Петербургом Мария Федоровна открыла Александровскую мануфактуру — передовое по техническому оснащению хлопчатобумажное предприятие. Тысячи деревенских воспитанников получили на мануфактуре рабочую профессию и стали одним из источников формирования рабочего класса. Из сельских воспитанников Московского дома было организовано образцовое крестьянское поселение — Мариинская колония, правда, имевшая, по сути, крепостническую организацию. Наконец, со времен И. И. Бецкого большое внимание уделялось тому, чтобы бывшие воспитанники трудились на пользу Дома. Они служили учителями и надзирателями, чиновниками и писарями. Из питомцев состояла прислуга обоих Домов.

В романе Б. Акунина аналогичная система получила дальнейшее развитие. Сначала ребят разбивали на возрастные группы, и «в каждой свой учитель, специалист по данному возрасту. Главная обязанность учителя — присматриваться к детям и исподволь давать им разные несложные задания. Задания эти похожи на игру, но с их помощью легко определить общую направленность натуры. На первом этапе нужно угадать, что в ребенке талантливее — тело, голова или интуиция. Затем дети будут поделены на группы уже не по возрастному, а по профильному принципу: рационалисты, артисты, умельцы, лидеры, спортсмены и так далее. Постепенно профиль все более сужается, и мальчиков старшего возраста нередко готовят уже индивидуально»¹¹. В результате питомцы имели большие достижения в различных сферах деятельности. Успеху способствовали искусные учителя, которым очень хорошо платили; воспитателями в эстернатах оставались и многие бывшие воспитанники (кстати, в реальных воспитательных домах бывшим питомцам, пока они не достигали классовых чинов, платили меньше, чем учителям со стороны).

Несмотря на все усилия организаторов, воспитание сирот не приносило желаемых результатов. Ответственность за неудачи в значительной степени лежала на государстве и обществе. В XVIII в. они были не в состоянии обеспечить сиротские учреж-

* С переходом воспитательных заведений под покровительство Марии Федоровны Петербургский воспитательный дом, сохранив прочные связи с родственным учебно-воспитательным заведением в Москве, получил самостоятельность и начал приобретать свои неповторимые черты. Именно поэтому РГПУ им. А. И. Герцена, преемник педагогических традиций и организационных форм Воспитательного дома, ведет отсчет своей истории со 2 (13) мая 1797 г., когда Павел I издал указ о передаче воспитательных домов в ведение супруги.

дения хорошими педагогами. «Новая порода людей» не вписывалась в сословную структуру крепостнической России. Денег на дома не хватало. И. И. Бецкой приходил в отчаяние от невозможности осуществить свои планы. Мария Федоровна, раскритиковав предшественника, тем не менее, не была удовлетворена и результатами собственной деятельности. Она до конца дней лихорадочно реформировала воспитательные дома.

Раскрывая истоки своего заговора, придуманная писателем леди Эстер заявляла: «Сначала я просто хотела спасти бедных, обездоленных детенышей человеческих. Я хотела сделать их счастливыми — сколько смогу. Пусть сто, пусть тысячу. Но мои усилия были крупницей песка в пустыне. Я спасала одного ребенка, а свирепый Молох общества тем временем перемалывал тысячу, миллион маленьких человечков, в каждом из которых изначально горит Божья искра. И я поняла, что мой труд бессмыслен. Ложкой горя не вычерпать»¹².

Пока реальные исторические персонажи огорчались и принимали все новые и новые усилия для того, чтобы их питомцы смогли противодействовать неприятию со стороны государства и общества, леди Эстер действовала. Ее дети, «новые люди», впитавшие все последние достижения человеческой мысли и духа, но освобожденные от всех моральных принципов, должны были взорвать государство и все человечество изнутри и в конце концов захватить власть над миром. Не совсем понятно, в чем должен был состоять этот захват, и что бы происходило дальше, но сама идея и первые деяния заговорщиков впечатляют. Таким образом, детективный сюжет-фантазия — это месть воспитательных домов и их организаторов с элементами пародии на жизнь сиротских заведений. Вероятно, можно трактовать идею Б. Акунина и шире — как месть детей, получивших возможность развить свои способности, за всех тех, кто этого был лишен. У проблемы есть и еще один аспект. Автор показывает, к каким опасным последствиям может привести бесконтрольная деятельность злоумышленников от педагогики в закрытых воспитательных заведениях.

Реальным питомцам российских воспитательных домов после смерти Марии Федоровны при-

шлось куда хуже, чем выпускникам эстернатов. 6 июля 1830 г. Николай I подписал указ, по которому мальчиков старше 1 года, оставленных в Доме вне официальных мест приноса детей, передавали в Главный штаб военных поселений для поступления в кантонисты, а девочек отправляли в деревни с запрещением принимать их в учебные классы. По указу от 25 июня 1837 г. всех сирот и подкидышей неизвестного происхождения полагалось отправлять в деревни, а впоследствии обращаться в казенных крестьян. Возвращать в городские Дома их разрешалось только в качестве прислуги. Учебные классы стали заполняться только детьми известного и «приличного» происхождения — сиротами обер-офицеров (государственных служащих, имевших низшие чины XIV–IX класса по Табели о рангах. — *Т. Ф.*)¹³.

О развитии способностей безродных детей не было и речи. В царствование Николая I почти все они оставались неграмотными. Лишь очень немногих учили читать и писать частные учителя — представители духовенства, отставные солдаты, крестьяне, ранее вы-

учившиеся воспитанники. За каждого обученного питомца они получали от Дома небольшую плату.

Во второй половине XIX в. Петербургский дом создал сеть начальных школ для деревенских воспитанников. Однако даже во времена Фандорина, вплоть до 1917 г., питомцы воспитательных домов могли в лучшем случае окончить учительскую семинарию (права на поступление в вуз она не давала), а питомцы — училище нянь. Миллионы детей из низов общества также имели ограниченные возможности «выбрать свой путь».

Фантазия Б. Акунина наталкивает нас на один из многих факторов, увеличивших накал недовольства в начале XX в. Сегодня проблема детей, оставшихся без попечения родителей, детей, способности которых не находят развития, стоит чрезвычайно остро. «Месье сирот» бросившему их обществу в той или иной форме, к сожалению, представляется весьма вероятной.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собрание 1. Т. 16. № 12103; Т. 17. № 12957.
2. Акунин Б. Азazelь. М., 2004. С. 196–197.
3. РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 348. Л. 76 об.
4. ОР РНБ. Ф. 142. Д. 61. Л. 103–105.
5. ПСЗ. Т. 17. № 12957.
6. Акунин Б. Указ. соч. С. 80, 197–198.
7. Путирен М. Д. Исторический обзор призрения внебрачных детей и подкидышей и настоящее положение этого дела в России и в других странах. СПб., 1908. С. 9–70.
8. Акунин Б. Указ. соч. С. 75.
9. РГИА. Ф. 758. Оп. 26. Д. 471. Л. 256.

10. РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 325. Л. 1; оп. 7. Д. 12. Л. 7 об.
 11. Акунин Б. Указ. соч. С. 80–81.
 12. Там же. С. 196.
 13. ПСЗ. Собрание 2. Т. 5. № 4677; Т. 12. Отд. 1. № 10390.

КНИГА О ВОСПИТАНИИ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Казакина М. Г. Школьная жизнь в России и Америке: воспитание человечности. СПб.: ООО «Книжный дом», 2006. — 768 с., с ил.

Казакина Мая Германовна — доктор педагогических наук, профессор. В течение 30 лет работала на кафедре педагогики Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Исследователь проблем взаимосвязи развития коллектива и духовно-нравственного формирования личности, становления ценностных ориентаций, жизненных целей, нравственных идеалов, самооценки личности школьников. Автор и ведущая многолетних радиодиюклов «Родительский университет», «Отцы и дети» на американском радио WMNB. Руководитель группы учителей-исследователей нью-йоркских школ по проблеме «Духовно-нравственное воспитание подростков и старшеклассников». Сопредседатель секции образовательных программ Международного института науки и искусства (США, Нью-Йорк.)

В книге М. Г. Казакиной рассказывается об организации радостной, наполненной, чистой и доброй школьной жизни в России и Америке в разное время (70–80–90-е гг. прошлого столетия и начало нынешнего), в разных общественно-политических и социально-экономических условиях. В основе этой жизни как сложного многослойного явления — единое эмоционально-ценностное пространство учебной и внеучебной работы, их содержательные взаимопереходы, самоуправление и творчество, где каждый занимает активную позицию, где развивается нравственная мотивация и возникают человеческие отношения. В книге представлена модель поэтапного устройства — развития школьной жизни, которая содержит конкретные практические шаги по возвышению человеческих потребностей в наших взрослеющих детях.

Представляем мнения о книге специалистов.

Редакционный совет

* * *

Воспитание у школьников моральных и гражданских качеств личности, социально-психологическая защита детей и подростков — одна из актуальнейших проблем российской действительности. Решать ее призваны разные социальные институты и, прежде всего, школа, так как именно здесь сосредоточены профессиональные педагогические кадры.

Уважение к личности, забота о человеке, честные и доверительные отношения между людьми, ответственность за себя и других — ценности, без которых невозможно построить жизнь, достойную человека. Как приобщить школьников к таким ценностям? Как организовать для этого их школьную жизнь в современных условиях?

Эти и другие вопросы воспитания волнуют сегодня не только педагогов-практиков, родителей,

общественность, но и ученых *Герценовского университета*. В традициях *кафедры педагогики* нашего университета было исследование проблемы нравственного формирования личности, гуманистических отношений в коллективе. Продолжая эту традицию, *научная школа М. Г. Казакиной*, разрабатывает проблему духовности, ее конкретных феноменов, духовного мира личности и специфических механизмов его формирования. Предметом исследований М. Г. Казакиной и ее аспирантов являются такие исключительно важные для педагогики понятия — явления, как духовность, внутренний мир, творческая индивидуальность, ценностные ориентации, жизненные цели, самооценка, нравственные идеалы. Это придает исследовательскому материалу актуальность, а педагогике — правду жизни. Ибо жизнь — это сложный,

противоречивый духовный мир человека, а творчество — путь к свободе... Как никогда важно в годы юности попробовать себя в этой конструктивной свободе, в свободе «для» (в отличие от свободы «от»...).

Книга *«Школьная жизнь в России и Америке: воспитание человечности»* содержит результаты исследований этой научной школы, выполненные в течение более 40 лет автором и ее аспирантами в разных временных, общественно-политических и социально-экономических условиях. Следует подчеркнуть: многолетние исследования показали, что школьная жизнь, будучи устроена определенным образом усилиями взрослых и детей, способна выступить главным воспитателем человека.

В работе представлен обширный опыт школьной жизни на протяжении длительного времени